

копечнымъ», потому что, вѣдь, разъ начавъ отыскивать «вшей» въ себѣ и своею прошломъ, трудно уже будетъ остановиться на этомъ пути все большаго и большаго приближенія къ идеалу совершенства, который и самъ, вѣдь, по мѣрѣ нашего къ нему приближенія, все болѣе и болѣе растетъ, удаляется..) Чѣмъ больше вникаешь въ «ученіе» гр. Толстого, тѣмъ болѣе становится яснымъ его «личный», *pro domo suo*, житейскій характеръ, его «a posteriori»: это, вѣдь, все то-же раскаяніе въ прежней, проникнутой исключительно эстетическимъ началомъ, жизни и таковой же литературной дѣятельности,—раскаяніе, вызвавшее, въ свою очередь, потребность искупленія половины, если не болѣе ушедшей жизни; а гдѣ существуетъ такое отношеніе, тамъ, разумѣется, и размѣры искупительной *жертвы* удесятеряются.. Напри-
мѣръ, гр. Толстой находить неправильнымъ свой вопросъ, поставленный такъ: «пока я, говорить онъ, не покаялся, я спрашивалъ: какую избрать мнѣ дѣятельность, мнѣ, человѣку пріобрѣвшему то образованіе и таланты, которыя я пріобрѣлъ. Какъ отплатить этимъ образованіемъ и этими талантами за то, что я бралъ и беру у народа?»

Если бы въ такой формѣ поставленъ былъ вопросъ человѣкомъ начинающимъ лишь жить, вступающимъ лишь на поющище общественной дѣятельности,—онъ, разумѣется, ничего неправильнаго не увидѣлъ бы въ немъ, кромѣ лишь самого естественного проявленія хорошихъ нравственныхъ началъ, внушенныхъ ему тѣмъ же образованіемъ, тою же университетскою жизнью. Но у гр. Толстого, на первомъ шагѣ, вѣдь—*искупленіе* прежней жизни, и потому намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, почему онъ говорить далѣе, что «вопросъ этотъ былъ неправиленъ»: «вопросъ этотъ былъ неправиленъ потому, что я включалъ въ себѣ ложное представление о томъ, что я человѣкъ особенный, призванный